

КУЛЬТУРА

Труд, - 1997, - 13 марта, - с. 5

ВОСХОЖДЕНИЕ

Сегодня
Владимиру
Маканину 60 лет

"Прямая линия" — так назывался давний маканинский роман, которым 28-летний математик, выпускник Московского университета, буквально ворвался в литературу. Напечатанный в 1965 году в журнале "Москва", он сразу стал событием. То была ясная, энергичная, стремительная проза, полная молодого оптимизма.

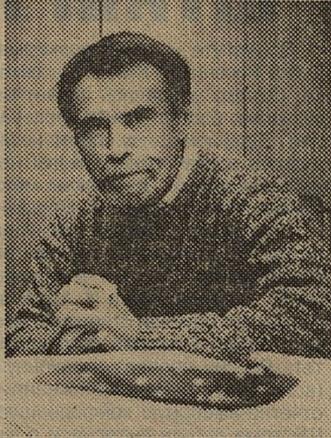
Линия творческой судьбы Владимира Маканина обещала быть прямой и четкой, но, увы, случился обрыв: в течение почти полутора десятилетий ни единой маканинской строки не появлялось на страницах литературных журналов. Книжки выходили, но погоду тогда делали не книжные, а именно журнальные публикации. По сути дела, Маканин был заключен в своего рода резервацию, из которой его вывел журнал "Наш современник", опубликовавший в 1977 году рассказ "Ключарев и Алимускин". Эта небольшая вещица также стала событием.

Сейчас, когда лучшие столичные журналы борются за право напечатать Маканина, трудно представить себе, что в не столь уж давние времена они отклоняли его рукописи и те появлялись "далеко от Москвы": то в журнале "Север", то в журнале "Урал". Таким образом, линия маканинской судьбы — линия прерывистая. Вот и сейчас наступила очередная пауза: за последние несколько лет у писателя, книги которого издаются во всем мире, на родине не вышло ни одной.

Почему? Думаю, решающую роль сыграла **неангажированность Маканина**, который никогда не имел вкуса ни к разного рода тусовкам, ни тем более к дисциплинированной ходьбе строем. Он всегда был сам по себе, на отшибе...

Если угодно, это — **мужество одиночества**. На него-то, на мужество одиночества, и проверяются герои многих произведений Владимира Маканина. Есть у него даже повесть, которая так и называется: "Один и одна", трагическое повествование о судьбе двух людей, которые, прожив многие годы рядом, так и не сумели найти друг друга. Вся их жизнь — сплошная утрата. Утрата надежд, воли, былых принципов, друзей и единомышленников. Но это не только психологическое исследование — а психолог Маканин отменный, — это еще и социальный портрет поколения, которое принято называть поколением шестидесятников. Беспощадный портрет! Тогда, помню, Маканина за эту вещь крепко били, ибо появилась она в тот самый момент, когда "шестидесятники" были на коне, а общество пребывало в эйфории от грядущих "демократических" перемен, горькие плоды которых теперь очевидны, кажется, всем. Впрочем, Маканина били часто, но он, закаляясь, становился еще крепче.

Крепче и зорче. И беспощадней в своих пророчествах, которые, как правило, сбываются. На сломе эпох, в переходе из одного исторического времени в другое напи-

сана повесть "Лаз", своего рода притча, смысл которой становится понятен только теперь, когда мы все отчетливее понимаем, что этот самый переход (то бишь реформы) не подготовлен, путь не выверен и уж тем более не расчищен, "лаз" оказался слишком узким. Вот мы и застряли в нем...

У Маканина нет прямых публицистических высказываний. Он не дает интервью, не выступает по телевидению, не участвует в политических шоу, не избличает власть и уж тем более не поет ей дифирамбов. Маканин — один из самых несуетных художников нашего времени. Но это не значит, что он не видит того, что делается вокруг. Еще как видит! Не зря его последняя вещь, рассказ "Кавказский пленный", появилась в "Новом мире" в самый разгар чеченских событий. Но это — не публицистический отклик на горячие события дня, это — философское произведение, в котором ставится под сомнение знаменитая формула: красота спасет мир. Маканин вообще ничему не верит на слово, он, следуя завету Сократа, обожает "испытывать". Испытывать как людей, так и идеи. Вот только это не рассудочный анализ, не умозрительные построения, а исполненный мощной изобразительной силы мир.

Красота, однако, мир этот не спасает. Рассказ начинается с того, что российские солдаты обнаруживают рядом с брошенным транзистором тело своего ни за что ни про что убитого товарища, который, "напившись, любил уединиться, лежа где-нибудь в обнимку с этим стареньким транзистором". Ну и прихлопнули мимоходом — "он, похоже, и глаза свои пьяные не успел протереть".

Столь же просто и неприметно для окружающих погибает в конце рассказа юный горец. Собственно, можно было бы сказать, что Маканин пишет о катастрофическом падении цены человеческой жизни, но произведения этого писателя, как всякое подлинное искусство, не сводимы к той или иной формуле...

Столь же многосложна и многослойна его творческая судьба, и если уж памятью о его первом романе, уподоблять ее прямой линии, то разве что в том смысле, что линия эта неуклонно идет ввысь.

Мы, читатели, следим за этим восхождением с признательностью и упоением.

Руслан КИРЕЕВ.

Фото

Владимира БОГДАНОВА.

146